

Не следует думать, что человек является древнейшим или последним властителем Земли или что известная нам форма жизни существует в одиночку. Старейшины были, Старейшины есть и Старейшины будут. Они ходят среди нас...<...> Они расхаживают, оставаясь незамеченными, в пустынных местностях, где произносятся Слова и исполняются Обряды во время их Сезонов.

*Говард Филлипс Лавкрафт.
«Ужас Данвича»*

ЧАСТЬ I

Больше всего человека пугает неизвестность.<...>

Незнание включает воображение.

Бернар Вербер. «Мы, боги»

ГЛАВА 1

— Стой! Тормози! — закричала Полина и нервно прикусила кулак, как будто хотела затолкать свой вопль обратно.

Женя тоже хрипло выкрикнул что-то бессвязное и резко затормозил, вывернув руль влево. Полину бросило вперед с такой силой, что ремень безопасности врезался в грудь. Стало больно дышать, но она едва заметила это.

Краем сознания, почти не понимая того, что видит, Полина осознала, что «Тойоту» повело в сторону и протащило пару метров до полной остановки. После она с ужасом думала: если бы по встречной полосе ехали машины, случилось бы самое страшное. Но дорога в обе стороны была пуста.

АЛЬБИНА НУРИ

Машина остановилась, и все разом смолкло — визг шин, их с мужем испуганные крики, рев двигателя. Как будто дирижер взмахнул палочкой и оркестр послушно опустил инструменты. В наступившем безмолвии было что-то жуткое. И неестественная тишина могла означать только одно: они не успели и мальчик...

— Мальчик! — выдохнула Полина. — Женя, он... Мы его...

Она не договорила, они оба начали выбирать-ся из машины. Ладони у Полины взмокли, она чувствовала, что ее трясет от страха. В висках стучало, голова кружилась.

Нет, нет, это невозможно! Ладно если бы за рулем оказалась она сама, новичок, но Женя водитель опытный и крайне аккуратный. Он никогда никого не подрезал, не гонял на предельной скорости, пропускал пешеходов. Женя не мог сбить человека! Только не он!

«Не просто человека — ребенка. Мы сбили ребенка! Женя ведь врач, как он переживет, если... Нет, пожалуйста, нет! Пусть мальчик будет жив!»

Мысли кружили и кружили в голове, наталкиваясь друг на друга, пока она выходила из машины и подбегала к лежащему на асфальте...
телу?

Ох, господи, пусть только мальчик будет...

Глоток мертвой воды

— Он жив, — выдохнул Женя, и Полина осела прямо на асфальт, прислонившись к боку автомобиля, обхватив себя руками. Облегчение было таким сильным, что слезы потекли из глаз.

Женя склонился над ребенком, осматривая его, но, увидев, что творится с женой, приблизился и коснулся ее лица:

— Полечка, с тобой все нормально? Сильно ударилась? Прости, я должен был сразу...

— Нет-нет! — Она замахала руками, сняла очки и вытерла слезы. — Все хорошо, Жень, я просто испугалась. Ничего не болит. — Она переменяла позу, неловко поднявшись на четвереньки, и приблизилась к мальчику. — Что с ним? Он без сознания? Мы все-таки задели его?

Полина однажды прочла, что аварии, как ни странно, чаще происходят в погожие дни, в светлое время суток, на хорошей дороге. Потому что, когда дождливо или дорога разбита, водитель поневоле сосредотачивается, вглядывается в каждую кочку, а если все спокойно, то он расслабляется, теряет бдительность.

Вот как сейчас. И дорога пустая, и видимость отличная, и местность знакомая. Но ведь Женя ни в чем не виноват! Мальчик появился так неожиданно...

АЛЬБИНА НУРИ

Ребенок лежал на боку, подогнув под себя одну ногу и вытянув вторую. Спутанные темные волосы были слишком длинными и закрывали его лицо. Мальчик был одет в старенькие вытертые джинсы и зеленую футболку. На ногах — стоптанные кроссовки, надетые на босые ступни.

Полина осторожно убрала волосы с лица мальчика и воскликнула:

— Я его знаю!

Женя, который продолжал осторожно осматривать пострадавшего, поднял голову:

— Что? Откуда?

— Он в деревне живет. Я его возле магазина встречала. Мы даже поговорили пару раз. Его Аликком зовут. Я еще, помню, спросила: Алик — это Альберт? А оказалось — Александр.

Полина сразу обратила внимание на этого мальчика. «Удивительно красивый ребенок! — подумала она, впервые увидев его. — Словно сказочный принц». Бледная до прозрачности кожа, густые темно-каштановые волосы, тонкие, выразительные черты лица и огромные, невероятно яркого синего цвета глаза.

Мальчик сказал, ему одиннадцать лет, но на вид Полина не дала бы больше девяти: слишком уж он был маленького росточка, худенький и щуплый для своего возраста.

Глоток мертвой воды

Алик отличался от деревенских мальчишек, да и вообще от других детей. У Полины был некоторый опыт общения с ребяташками этого возраста. Во-первых, дочке Соне почти столько, она чуть старше, а во-вторых, прежде Полина работала учительницей, преподавала математику в так называемом среднем звене: пятых-восьмых классах.

Алик был очень не типичный ребенок: рассудительный и тихий, он говорил чересчур правильно и как-то по-взрослому. Такой же недетской была и грюсть, застывшая в его взгляде.

Женя выпрямился и задумчиво сказал, глядя на жену:

— Мы могли задеть его легонько, по касательной. Но вообще-то я уверен, что успел свернуть, да и скорость была низкая.

— Тогда что с ним такое? Почему он без сознания? Он в шоке?

— Мальчик избит. Посмотри.

Женя приподнял детскую футболку.

Полина ахнула: все тело Алика было в кровоподтеках. Вдобавок на шее виднелись следы синяков. Она не заметила их сразу, но теперь ясно видела. Некоторые синяки уже пожелтели, и точно такие же заживающие гематомы были на руках.

АЛЬБИНА НУРИ

— Не могу сказать точно, внешних признаков — ран, ушибов — нет, но, возможно, у него травма головы. Может, и внутренние кровотечения есть. Я ведь не специалист.

Женя был медиком, но специализацию в самом деле имел другую.

— Мы не можем сами отвезти его в больницу?

— Я боюсь его трогать.

— «Скорую» вызывать? Полицию? — с трудом выговорила Полина, думая о другом. В голове не укладывалось: кто мог сотворить такое с бедным ребенком?

— Надо, конечно. Только когда еще они придут? — озабоченно говорил Женя, одновременно выискивая в записной книжке сотового нужный номер.

Разумеется, он прав. Вечер субботы, почти девять. От Казани — тридцать километров. Впрочем, дорожная полиция, наверное, придет из ближайшего райцентра. «Скорая» тоже может отвезти мальчика в местную больницу, но, насколько Полина знала мужа, он этого не допустит. Ребенка отвезут в Республиканскую детскую больницу — она как раз на въезде в город, у Жени там масса знакомых врачей.

Пока муж говорил с кем-то, Полина вспоминала, как все случилось.

Глоток мертвой воды

Они возвращались из Новых Дубков в Казань. В прошлом году купили участок в этом коттеджном поселке и начали строиться. Сама Полина не видела большой необходимости в загородном доме. Она называла себя городской девчонкой, очень любила их казанскую квартиру и не стремилась перебираться в сельскую местность.

Но Женя буквально бредил собственным домом и радостями жизни на лоне природы. Расписывал все в красках, пока Полина тоже не начала проникаться.

— На осень и зиму будем в Казань переезжать, а пока тепло — жить за городом! — убеждал муж.

Теперь сам дом уже построен, но дел все равно — непочатый край: еще нет ни крыши, ни окон, ни дверей, ни внутренней отделки, не говоря уже о приусадебных постройках.

Магазин, про который Полина говорила мужу, был в Старых Дубках — деревне близ поселка. В этой деревне, судя по всему, и жил Алик.

Весь день Полина с Женей провели на стройке, муж общался с рабочими, ей тоже нашлось чем заняться, а к вечеру засобирались обратно. Правда, поздновато, и Полина волновалась, как там Соня. Хотя дочке уже почти тринадцать, она не любила оставлять ее одну. В тот момент, когда все произошло, Полина как раз набирала номер

АЛЬБИНА НУРИ

телефона их городской квартиры, чтобы узнать, как дела у их девочки.

— Она сразу поймет, что ты ее караулишь, поэтому и звонишь домой, а не на трубку, — усмехнулся Женя. — Подумает — не доверяешь.

— Ну и пусть, — упрямо отозвалась Полина. — Доверяй, но проверяй. И потом, я не ей не доверяю, а этой Лиле. Свалилась тоже на нашу голову!

Полина повернулась к Жене и хотела сказать, что она думает про школьную подругу дочери, как этот мальчик выскочил (а если быть точней, вывалился, будто его силой толкнули в спину!) из придорожных кустов.

Федеральная трасса — примерно в семи километрах от этого места. Там каждый день в любое время суток движение оживленное, а на проселочной дороге в субботу вечером почти никогда никого не бывает. Днем автомобили снуют туда-сюда: у всех стройка, не только у Суворовых. А в это время — тишина. Рабочим ездить незачем, а хозяева домов либо уже успевают уехать обратно в Казань, либо, если дом готов для заселения, вечерают здесь, в Новых Дубках.

Полина сидела на земле возле мальчика, продолжая машинально гладить его по спутанным волосам. Женя включил «аварийку», выставил

Глоток мертвой воды

знак — мало ли, не хватало еще, чтобы кто-то влетел в них. Начинало темнеть. Полина глянула на часы.

— Ты Соне-то позвони, — напомнил муж.

— Ох, точно, — спохватилась она, — совсем из головы вылетело.

Пока Полина говорила с дочерью, объясняя, почему они с папой задерживаются, уговаривая девочку лечь спать, не дожидаясь их (точно зная, что убеждать бесполезно), подъехала машина ГИБДД. Тут же вслед за ней — «Скорая»: как и предполагала Полина, Женя вызвал платную, из Республиканской больницы.

Мальчика, который так и не приходил в сознание, положили на носилки. При этом с одной ноги у него свалилась кроссовка, и Полина подбежала, чтобы поднять ее, надеть. Разношенная, потерявшая первоначальный цвет и форму обувь была великовата мальчику, старенькие джинсы протерлись в нескольких местах. Глядя на Алика, который сейчас выглядел особенно хрупким и беззащитным, Полина почувствовала, что сердце ее сжалось. Как это обычно бывало в подобных ситуациях, она помимо воли представила на месте пострадавшего ребенка собственную дочь, и на глаза снова навернулись слезы.

Женя подошел, обнял ее за плечи.